

В ПЛЕНУ ВРЕМЕНИ

ГАМЛЕТ

Гул затих. Я вышел на подмостки. Прислонясь к дверному косяку, Я ловлю в далеком отголоске, Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи Тысячью биноклей на оси. Если только можно, Авва Отче, Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый И играть согласен эту роль. Но сейчас идет другая драма, И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий, И неотвратим конец пути. Я один, все тонет в фарисействе. Жизнь прожить — не поле перейти.

ПОКУДА ЖИВ ЯЗЫК

Хотел начать с того, что Борис Пастернак — целая эпоха в жизни страны. Но это не так. Жизнь Пастернака вместила в себя несколько эпох, также, как эти несколько эпох вместили в себе несколько жизней Пастернака. Несколько жизней, чудеснейшим образом выстроившихся в одну, скрепленную его гением, Богом, его путеводной звездой, наконец, столь похожей на ту, мерцающую «по пути в Вифлеем», что он нам явил в своей «Рождественской звезде». Он действительно был разным в разные эпохи, он менялся, как меняется все живое. Сейчас уже трудно сказать, Пастернак ли менялся потому, что менялись эпохи, или эпохи менялись потому, что менялся Пастернак. А скорее всего они были и менялись каждый по себе, вне зависимости друг от друга. Не зря же вопреки: «Скажите, милые, какие тысячелетия на дворе?»

Когда он родился, на дворе была эпоха Александра III. А когда умирал — хрущевская оттепель, обернувшаяся для него лютой зимой. Он был нашим современником, во что сейчас уже не так просто поверить. И при жизни нынешних новых поэтов, которым нет и сорока, дописывался «Доктор Живаго», писалась книга стихов «Когда разгуляется» и пьеса «Слепая красавица».

Были годы, когда о Пастернаке наша печать старалась не говорить. Вроде как не было такого поэта. Еще в 1982 году я получил выговор от редактора одной республиканской газеты, в которой тогда работал, за то, что привел в статье строку из Пастернака. Антисоветчика, как было сказано. В конце пятидесятых о нем говорили много, везде. И не замолчали, пока не свели поэта в могилу. В последние годы о нем сказано все или почти все. Вроде и добавить нечего. Но на то он и гений, чтобы и после смерти никому не давать покоя. Поэтому в последнее время появились о нем разговоры новые, удивительные.

Молодая поросль наших славных почвенников, проведя ей одной известным способом анализ крови, пытается отказать Пастернаку в праве называться русским поэтом. Но, слава Богу, нам с вами их разрешение не нужно. Всякий, по-настоящему любящий и понимающий русский язык, решит этот вопрос для себя сам. С другой стороны, можно услышать, что он не был настоящим борцом, проявлял нерешительность, отказался от Нобелевской премии. За всем этим забывается, что поэт, а такой поэт, как Борис Пастернак в особенности, живет по своим законам. И при жизни, и после смерти. Иначе не был бы тем, кем был, тем, кем остается для нас и сегодня. И не правомерен ситуационный и бранный людской суд над поэтом, как неправомолен он над Вечностью. Где они, его судьи, устроившие беспрецедентную травлю великого поэта? Где все эти недолитераторы, командиры искусства, «простые рабочие», подписывавшие грязные письма в центральную печать? Где они? Назовите их имена. Их нет. А поэт жив. И жив будет, пока будет жить русский язык.

Е. ЕФИМОВ.

Представьте, что вы сегодня входите в дом Анны Капониной, Или Сонечки Мампеладовой. И через минуту с ними будете говорить. Представили? Представили, что вы будете чувствовать перед этим? Нечто подобное испытал я, стоя перед дверью пастернаковской Лары из «Доктора Живаго». Трудно было поверить, что я пришел сюда сегодня, в запереннейшей, необработанной Москве, выйдя из толчеи Садовского вокзала. И вот открываешь дверь, и она, чуть постаревшая, но такая же, ей-Богу такая же красивая, приглашает войти.

Не буду больше интриговать читателя. Ольга Всеволодовна Ивинская — не Лара, конечно. Она лишь прообраз героини из много-страдального романа, в последние четырнадцать лет жизни Бориса Пастернака разделявшая с ним его жизнь, его радости и стра-

данными. В ней нет ни одного слова неправды, но главы построены таким образом, что трудно понять, что после чего было. Я написала книгу, стараясь выигрывать волю Бориса Леонидовича, который, особенно в последние дни, не уставал повторять, что я должна ежедневно записывать жизнь, как она есть, потому что мне придется расстаться с тобой, что останется после него.

— В первый раз вас арестовали в 1949 году. Это произошло только из-за романа «Доктор Живаго»?
— Мой приговор гласил: за близость к лицам, подозреваемым в шпионаже. Но поскольку на допросах речь шла только о Пастернаке и о романе, ясно, что стало причиной. Видимо, они подозревали, что им не все известно, страшилось этого, как страшилось и моей, непонятной для них роли, в жизни Бориса Леонидовича.

— И сколько вы провели в заключении?
— Почти четыре года. До смерти Сталина. Но в эти четыре года связь наша с Борисом Леонидовичем не прерывалась. Во-первых, он заботился о моей семье. Во-вторых, постоянно присылал мне письма, которые подписывала моя мама. Ведь посторонние лица не имели права писать в лагерь. В это же время им были написаны замечательные стихи, которые кажутся мне лучшими из всего нашего лирического диалога, который продолжался четырнадцать лет. Как-то ночью в лагере меня вызвал «кум» (оперуполномоченный) и позволил мне прочесть эти стихи. Я прочла, а потом расписалась в том, что со стихами ознакомлена.

— Когда вы вернулись из лагеря, мы с Борисом Леонидовичем решили, что жить друг без друга не можем. Вы простите, может быть, то, о чем я говорю, но совсем скромно. Но я уже смотрю на ту женщину, которой я была, издавка. Я давно уже другая, не та. Мне кажется, что, если есть на свете любовь, то это то, что было между нами. Мы не могли друг без друга жить. Мы создали какую-то свою жизнь, за которую очень боялись, и очень ее охраняли. Это был какой-то душевный приют, где мы пережили самое страшное.

— Вам действительно было страшно, когда началась травля?
— Чувство страха тогда было у каждого. А тут — люди перестали здороваться, избегали, перестали приходить письма. Не то чтобы Борис Леонидович испугался. Но был момент, когда он пришел в отчаяние от безысходности и предложил мне вместе уйти из жизни. Он даже узнал где-то, сколько нужно нимбувала, чтобы человек заснул навсегда. Но, слава Богу, он был оптимистом, он был очень светлым человеком и всегда внутри себя продолжал искать выход. Поэтому, когда я сказала, что есть смысл не терпелись, подождать и посмотреть, чего же они от нас хотят, он уцепился за эту соломинку. Я пошла разговаривать к Федине. Но Федина, конечно, «трусил», как-то, что он на другой стороне пропал, что Пастернак пропыл между ними такой ров, который уже нельзя перейти. И, конечно, они заставили Бориса Леонидовича отказаться от Нобелевской премии. Это был для него, конечно, удар, шаг в неизвестность. Читая мемуары Бунина, где Иван Алексеевич описывает, как он получал Нобелевскую премию, Пастернак плакал. Вообще его нервы были на пределе. Я, конечно, страшно боялась за его жизнь и, видимо, поэтому поддалась уговорам тогдашнего заведующего отделом культуры ЦК Поликарпова. В своей книге я четко сознаюсь в этой своей вине. Мы вместе с Поликарповым написали от имени Пастернака обращение к Хрущеву. Борис Леонидович, доведенный до крайности, потом только приписал на полях: «Алеша, я подписчу, что ты хочешь. Напиши только, что я родился в России».

— А были у него мысли все-таки не отказываться, поехать за премией, идти до конца?
— У него не было твердого мнения. То он собирался за ней ехать,

то передумывал. Ведь человек слаб, человек при жизни своей — не монолит и не памятник. А Борис Леонидович понимал, что его могут назад не впустить, он понимал, что здесь заложники останутся его близкие. Тем более, что его семья боялась этого романа, противодействовала, когда Борис Леонидович решился не отказываться от премии. Инерция страха была у всех. Она катилась еще со сталинских времен.

— Как вы думаете, если бы не разыгравшийся скандал, был бы Пастернак сегодня столь же известен? Не мучало ли его, что не стихи несут ему такую славу, а травля? Ведь он знал себе цену, как поэт.

— Нет. У меня остались письма, уцелевшие после налетов КГБ, где он пишет о том, что нужно непременно сесть за новую большую вещь. Эта вещь обязательно должна быть о России. И впрямь, «Доктор Живаго» шел своим чередом, а он уже работал над «Слепой красавицей». Слепая красавица, как вы понимаете, это — Россия.

— Вообще о нем говорить трудно. Он все время менялся. К концу жизни ему стали близки Пушкин, Некрасов, Есенин. Он стал воспринимать точную, очищенную от всего деталь. Он и сам стал каким-то очищенным, хотя и оставался богом образа. Его внутренний мир был настолько тонким и глубоким, что даже мне, бывшей с ним на протяжении многих лет в непосредственной близости, трудно было иногда его понимать. Это был необыкновенный человек и необыкновенный поэт. Равного ему поэта я не вижу.

— Ольга Всеволодовна, второй раз вас арестовали в 1960 году. Вы после смерти Бориса Леонидовича. Что вам инкриминировали на этот раз?
— Связь с границей, отправка романа за границу, хотя я его туда не отправляла. А связь с границей была такая. Когда разгорелся скандал вокруг «Доктора Живаго», я вступила в переписку с императором Фильтринелли, уговаривая его подождать с публикацией романа на Западе. Тем более, что в это время у нас еще шли переговоры с московским издательством, а некоторые стихи из романа были опубликованы в журнале «Знания». Однако в действие вступил Союз писателей в главе с Сурковым, и скандал стал неизбежным. Кроме того, через меня потом шли гонорары за книгу. Что также считалось крамолом.

— И опять на допросах фигурировал уже умерший Пастернак?
— Конечно. Но следователи в своем рвении зашли так далеко, что обвинили меня в написании романа! Некий Тихонов, который был тогда в КГБ большим начальником, прямо сказал, что это я написала роман и пыталась подосудить его советскому читателю. В доказательство он привел письмо Бориса Леонидовича ко мне, где он писал: «Ведь это ты водила моей рукой и стояла за моей спиной». В КГБ это восприняли буквально. И вообще они очень подозрительно ко мне относились. Их настораживало, что я переводила с подстрочников. Короче, определили мне 8 лет. А заодно и дочь мою, Ирину, тоже отправили в лагерь.

— Письма Пастернака попали к ним, конечно, или быские?
— До сих пор 80 пакетов писем Пастернаку, в числе которых письма от Д. Степановича, Д. Неру, Э. Хемингуэя и другие остаются в архивах КГБ. Кроме того, до сих пор из КГБ не возвращены книги Бориса Леонидовича и рукописи «Доктора Живаго». А самое главное в архивах КГБ пропали главы романа, которые где-то не были напечатаны. В частности, глава «Цветы». Она так и исчезла. В романе ее нет.

— Ольга Всеволодовна, вас дважды арестовывали и вы дважды сидели в лагерях из-за Пастернака. Вы никогда об этом не жалели?
— Нет.

— А что за этим стоит? Только любовь к Борису Леонидовичу?
— А разве этого мало? Что бы он ни делал, как бы ни запугивал свои дела, я шла рядом и старалась их распутать, старалась облегчить его жизнь, его страдания. Может быть, в этом было мое назначение.

ЕДИН БЕРШИН.

— Нет. У меня остались письма, уцелевшие после налетов КГБ, где он пишет о том, что нужно непременно сесть за новую большую вещь. Эта вещь обязательно должна быть о России. И впрямь, «Доктор Живаго» шел своим чередом, а он уже работал над «Слепой красавицей». Слепая красавица, как вы понимаете, это — Россия.

— Вообще о нем говорить трудно. Он все время менялся. К концу жизни ему стали близки Пушкин, Некрасов, Есенин. Он стал воспринимать точную, очищенную от всего деталь. Он и сам стал каким-то очищенным, хотя и оставался богом образа. Его внутренний мир был настолько тонким и глубоким, что даже мне, бывшей с ним на протяжении многих лет в непосредственной близости, трудно было иногда его понимать. Это был необыкновенный человек и необыкновенный поэт. Равного ему поэта я не вижу.

— Ольга Всеволодовна, второй раз вас арестовали в 1960 году. Вы после смерти Бориса Леонидовича. Что вам инкриминировали на этот раз?
— Связь с границей, отправка романа за границу, хотя я его туда не отправляла. А связь с границей была такая. Когда разгорелся скандал вокруг «Доктора Живаго», я вступила в переписку с императором Фильтринелли, уговаривая его подождать с публикацией романа на Западе. Тем более, что в это время у нас еще шли переговоры с московским издательством, а некоторые стихи из романа были опубликованы в журнале «Знания». Однако в действие вступил Союз писателей в главе с Сурковым, и скандал стал неизбежным. Кроме того, через меня потом шли гонорары за книгу. Что также считалось крамолом.

— И опять на допросах фигурировал уже умерший Пастернак?
— Конечно. Но следователи в своем рвении зашли так далеко, что обвинили меня в написании романа! Некий Тихонов, который был тогда в КГБ большим начальником, прямо сказал, что это я написала роман и пыталась подосудить его советскому читателю. В доказательство он привел письмо Бориса Леонидовича ко мне, где он писал: «Ведь это ты водила моей рукой и стояла за моей спиной». В КГБ это восприняли буквально. И вообще они очень подозрительно ко мне относились. Их настораживало, что я переводила с подстрочников. Короче, определили мне 8 лет. А заодно и дочь мою, Ирину, тоже отправили в лагерь.

— Письма Пастернака попали к ним, конечно, или быские?
— До сих пор 80 пакетов писем Пастернаку, в числе которых письма от Д. Степановича, Д. Неру, Э. Хемингуэя и другие остаются в архивах КГБ. Кроме того, до сих пор из КГБ не возвращены книги Бориса Леонидовича и рукописи «Доктора Живаго». А самое главное в архивах КГБ пропали главы романа, которые где-то не были напечатаны. В частности, глава «Цветы». Она так и исчезла. В романе ее нет.

— Ольга Всеволодовна, вас дважды арестовывали и вы дважды сидели в лагерях из-за Пастернака. Вы никогда об этом не жалели?
— Нет.

— А что за этим стоит? Только любовь к Борису Леонидовичу?
— А разве этого мало? Что бы он ни делал, как бы ни запугивал свои дела, я шла рядом и старалась их распутать, старалась облегчить его жизнь, его страдания. Может быть, в этом было мое назначение.

ЕДИН БЕРШИН.

БОРИС ПАСТЕРНАК В ПЕРЕДЕЛКИНО. 1956 г.

АВГУСТ

Как обещало, не обманывая, Пришло солнце утром рано Косою полосой шафрановой От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрой Соседний лес, дома поселка, Мою постель, подушку мокрую И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу Слегка увлажнена подушка. Мне снилось, что ко мне на проводы, Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами, Вдурт кто-то вспомнил, что сегодня Шестое августа по старому, Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени Исходит в этот день с Фавора, И осень, ясная как знамение, К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский, Нагой, трепещущий ольшанин В имбирно-красный лес кладбищенский, Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами Соседствовало небо важно, И голоса петушиными Переключались даль протяжно.

В лесу казенной землемершюю Стояла смерть среди погоста, Смотря в лицо мое умершее, Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ошутим физически Спокойный голос чай-то рядом. То прежний голос мой провидческий Звучал, нетронутый распадом:

«Прощай, лазурь преобразженская И золото второго Спаса, Мягкие последней лаской женскою Мне горечь рокового часа.»

Прощайте, годы безвременщины, Простится, бездне унижений Бросающая вызов женщина! Я — поле твоего сражения.

Прощай, размах крыла расправленный, Полета вольного упорство, И образ мира, в слове явленный, И творчество, и чудотворство».

ОЛЬГА ВСЕВОЛДОВНА ИВИНСКАЯ, 1990 г.

БОРИС ПАСТЕРНАК И ОЛЬГА ИВИНСКАЯ. ПЕРЕДЕЛКИНО, 1958 г.

8/11/80 Пастернак Б.А.

162

162